

III. НЕОПОЗНАННАЯ КУЛЬТУРА

Гностические корни постсовременности

О чудо... Сколько вижу я красивых созданий!
Как прекрасен род людской...
О дивный новый мир, где обитают такие люди.
Шекспир, «Буря»

Некогда, гуляя светлым утром по кампусу Стэнфордского университета, набрел я на удивительную скульптурную группу, созданную Роденом, в которой присутствовал знакомый Мыслитель, правда, в измененных пропорциях и своеобразном окружении. Нечто странное, даже тревожное чувствовалось в на редкость впечатляющем творении мастера. Центром же композиции было другое изваяние — гигантские медные двери, притягивавшие взоры скульптурных персонажей. В подобном хоре Мыслитель выглядел иной персоной, нежели общеизвестный, знаковый образ. Скульптурный ансамбль, выстроенный на площадке калифорнийского кампуса, являл собой сакраментальное: «я увожу к отверженным селеньям...» И вовсе не Данта изображал сидящий у приотворенных врат «Мыслитель».

За пределом конца истории

Смотри, как колеблется на оси потрясенный весь мир;
смотри, как земля и море во всей их необъятности;
и небо со своим глубоким сводом, и вся природа
дрожат в надежде на грядущий век.

Вергилий

С приметами исторической новизны люди соприкасаются сейчас повсеместно и постоянно, причем ощущают данное свойство времени жители не только постсоветского пространства.

Культурная, социальная, экономическая реформация, кризис и сполохи цивилизации, мировоззренческая революция, поиск нового миропорядка — все было содержанием прошлого столетия, однако век нынешний не замедлил прибавить к этому реестру собственную специфику, преподнеся нелицеприятные сюрпризы.

Сталкиваясь с радикальностью перемен, динамичным горизонтом событий, ощущаешь немоту и дефицит категориальной лексики, отсутствие адекватных ярлыков для наблюдаемой феноменологии. Потому, наверное, обильно плодятся приставки «пост», «нео», «анти», фиксирующие новизну, но, в сущности, ничего не говорящие о ее сути.

Даже привычный терминологический набор последних десятилетий — постиндустриальное и информационное общество, социальный постмодерн и новый мировой порядок, конец истории и столкновение цивилизаций, напоминают скорее ярмарку

тщеславия, нежели свидетельствует об интеллектуальной прозорливости или пророческом даре.

Но все вместе взятое повышает ставки на рынке рационального прогноза и постижения стремительно усложняющейся реальности.

* * *

Прошлое и будущее не существуют сами по себе как автономные пространства, они слиты в потоке времени, стянуты берегами разноплеменного общежития, будучи объединены единым субъектом действия — человеком. Разделяют же социальное время на крупные сегменты-зоны меняющийся склад ума, большие замыслы судеб стран и людей, различным образом толкуемые цели земного бытия.

Перемены в мировоззренческом строе и общественной психологии не менее важны, нежели материальная, событийная жизнь общества, ибо они, в конечном счете, являются зернами исторических переворотов. Разнообразие форм и алгоритмов обустройства практики есть не что иное, как зримое воплощение богатств социальной ментальности — проросшие зерна той странной субстанции, которая, по выражению известного историка (Жака Ле Гоффа), есть нечто общее между Цезарем и последним солдатом легионов, святым Людовиком и крестьянином, пашущим землю, Христофором Колумбом и матросами на его каравеллах.

Человечество, пребывая на краю познанной реальности, ощущает подчас в груди волнение конквистадоров, не имея перед собой ни достоверных карт, ни маршрутов движения в будущее.

Мир, в котором мы обитаем, — трансграничье, диахронный лимитроф, объединивший канувший в Лету континент Модернити с новизной социального космоса. Хроники переходного периода отрицают прежнюю систему исторической записи — *Histories Apodexis*. Качества фиксации реальности, столь характерные для уходящей эпохи — категориальность, выверенность оценок — в редакции подвижного бытия становится не слишком модным раритетом.

Сегодня дискуссии о постсовременной цивилизации или даже менее обязывающее обсуждение цивилизационного транзита могут являться как тривиальной данью времени, так и чрезвычайно взрывчатой, революционной темой. Вопрос — *что*, собственно говоря, понимать под «постсовременной цивилизацией». Если это очередная социально-культурная метаморфоза христианского эона, то подобные процессы не раз, не два происходили на протяжении двух тысячелетий.

Если же в данное понятие вкладывать буквальный смысл появления признаков принципиально иной мировоззренческой и социальной конструкции, то мы, конечно, присутствуем при революционном и драматичном событии.

* * *

Между тем подобное толкование все чаще ощущается в дискуссиях о переменах на планете.

Более того, речь идет, по-видимому, о зарождении иной цивилизации не только в том широком смысле, который был привнесен в определение категории в конце XIX в. как тема культурно-исторических типов, культурных суперсистем, субэкумен (что позволило, к примеру, Арнольду Тойнби насчитать двадцать с лишним цивилизаций), но в русле изначального, более узкого, хотя и универсального словоупотребления термина, идущего от маркиза Мирабо.

Здесь мы вплотную приближаемся к парадоксу, невольно трансцендируя и переосмысливая значение понятия, заключенного в последовательности «дикость—варварство—цивилизация», предполагая, таким образом, возможность некоего четвертого состояния общества.

Саму же историю цивилизации можно, в конечном счете, свести к двум протяженным периодам.

Один — это возникновение и развитие культур древнего мира, причем как восточных, так и античных, т. е. обильного разнообразия, которое можно объединить понятием *традиционная цивилизация* (традиционная культура).

И второй — становление и развитие в течение двух тысячелетий универсальной *христианской цивилизации*, *Pax Christianum*, культуры Большого Модерна, которая стала глобальной, реализовав себя посредством принятых и воплощенных — с различной спецификой, полнотой и успешностью — кодов модернизации (*осовременивания*).

Именно данная форма человеческого общежития пребывает сегодня в системном кризисе и трансмутации.

* * *

Христианская цивилизация развивалась, декларируя особый статус человека и формируя соответствующую среду действия. Однако новое мироощущение, оплодотворяя Ойкумену, не раз и не два срывалось в длительные заблуждения и затяжной кризис.

Вектор развития современной цивилизации — обретаемая людьми свобода, которая оценивается также мерой возрастания формального могущества. И подобная установка оказывается чреватой двусмысленными следствиями.

Кризис культуры, несовпадение внутреннего мира человека с техническими возможностями, нелинейные траектории развития предопределили воспаления и разрывы социальной ткани, усиливая предчувствие грандиозной исторической метаморфозы.

Анализ глобальной трансформации — одно из главных направлений социогуманитарных дисциплин, тем более что коррозия прежних ценностей и институтов грозит превратить мир в калейдоскоп, сотрясаемый перманентным поиском формулы иного порядка. И сегодня, в начале нового миллениума, мы, действительно, наблюдаем генезис различных культурных и социальных клише, кодов управления, ценностных мотиваций, их конкуренцию, симбиоз.

Дело, однако, не только в умножении открывающихся горизонтов практики и столкновении социокультурных моделей. С ростом мощи цивилизации повышается уровень ее обременений, возрастает реестр рисков, причем осколки высокоорганизованной системы, сложных технических систем способны порождать чрезвычайно масштабные катастрофы.

Государство и трансформация

При демократии власть — это влияние...
Но в чистейшей форме такое влияние
может заключаться просто в тихом совете...

Фредерик Форсайт

Проблема трансформаций в сфере политики определена многими причинами: изменениями в стилях управления, деформацией институтов представительной демократии и публичной политики, появлением иных влиятельных субъектов действия, транзитом форм государственности и суверенитета¹.

¹ Подробнее см. доклад Александра Неклессы «Метаморфозы государственности. Социокультурная и политическая мобильность в условиях цивилизационного транзита» представленный на международном семинаре «Культура и мобильность» Ассоциации институтов культуры европейского союза (EUNIC) (Брюссель, 23 января 2008 г.) <http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/1748-aleksandr-neklessa-metamorfozy.Html>..

В недрах межгосударственных связей возникают специфические коллизии. Происходит коррозия национально-государственной системы, которая сказывается на статусе и амбициях бюрократических структур, в то время, как прежнее поколение международных организаций, наподобие ООН и ряда аффилированных учреждений, переживают затяжной, возможно, фатальный кризис.

Иной тип мирового управления — деятельная транснациональная среда, пребывающая в становлении и в узком смысле состоящая из разнообразных ТНК и ТНБ, иных корпораций. То есть, которую можно было бы считать экономической, но тут необходим какой-то семантический сдвиг для фиксации специфики нарождающейся реальности.

Уместнее, наверное, на сегодняшний день определить ее как геоэкономическую, поскольку речь идет все же не просто о новых формах хозяйственной деятельности, а о системе управления и власти. Иначе говоря, проявляется феноменология, которая содержит потенциал властных функций, выходящих за рамки производственных и рыночных связей и все более соотносящихся с политической стороной жизни общества.

В XX веке проявилась выраженная тенденция к слиянию политических институтов с экономическими, стремление восстановить контроль над экономической деятельностью, реализовав в этой сфере тот или иной грандиозный управленческий проект.

Методы хозяйствования при этом существенно различались: от явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной моделям государственности, до гораздо более гибких форм косвенного управления, проклюнувшихся в системах финансового контроля или в некоторых модификациях современного поколения ТНК. (Впрочем, генезис квази-государственности ТНК можно отследить еще ко временам Ост-Индской компании, когда феномен проявился даже ярче: компания обладала собственными вооруженными силами и флотом, правом объявлять войну и заключать мир, учреждать судопроизводство, чеканить монету, управлять территориями, создавая администрации, занимавшиеся сбором налогов и т. п.)

Так что наряду с витринным конфликтом прошлого века между «социализмом» и «капитализмом» на протяжении столетия развивался менее очевидный, но, пожалуй, более универсальный процесс подавления экономического многоголосья, компрометации либерализма, вводя в данную сферу разнообразные формы контроля и управления².

Выстраиваемый посредством подобных административных методов политический строй обладает, однако же, заметной ригидностью, представляя (вполне в русле просвещенческой парадигмы) скорее механизм, нежели организм. Между тем в окружающем мире — причем, как в экономике, так и в политике — все более заметную роль играет альтернативная генерация организационных схем и методов управления. В частности то, что может быть определено как проектная и сетевая культура.

* * *

В новом мире ощутимо, подчас агрессивно проявляются неформальные центры влияния и силы чрезвычайно широкого спектра, являющиеся источниками энергичного социального действия.

Непубличная власть, владея сложными схемами организационного и хозяйственного управления, наращивает мощь финансово-правовых кодов, усиливает их изоционность, проделывая впечатляющую эволюцию от господства над материальными объектами к управлению социальными субъектами, все более сливаясь с привычными формулами власти.

² Неклесса А. Новый амбициозный класс. Кто осуществит новую сборку мира? (Введение в тему) // <www.intelros.ru/2007/11/01/aleksandr_neklessa_novyjj_ambicioznyjj_plan_kto_osushhestvit_novuju_sborku_mira.html>.

Подобная диархия пронизывает практически всю социальную феноменологию — политическую, экономическую, правовую, подчеркивая ее транзитный характер.

Сегодня можно составить обширный реестр близких по предмету, но разных по содержанию явлений и институций, связанных с жизнью современного человека, что указывает на неочевидное, но действенное присутствие в ткани общества несхожих организующих принципов (аттракторов).

Скажем, гражданское общество и общество массовое; демократия представительная и управляемая; либерализм, понимаемый как свобода и полнота прав личности, и неолиберализм как универсальность ценностей рынка, акцентирующая функциональный аспект индивида и предприятия (т. е. фактический субъект неолиберализма — не личность, а предприятие). Наконец, национальный суверенитет и складывающаяся на совершенно иных принципах корпоративная система мировых связей.

В экономике же за последние десятилетия проявился столь широкий спектр новаций — объединяемых, в частности, понятием «новая экономика» — что непросто даже пытаться их перечислить. Но к экономике мы еще вернемся.

* * *

Трансформации охватывают также сферу культуры.

Ее плоды все чаще позиционируются и рассматриваются как особый интеллектуальный ресурс, своеобразное сырье для информационных и коммерческих проектов.

Основное внимание при этом уделяется не трансценденции быта и бытия, но, скорее, аранжированию креативного материала. Стратегическая же цель видится не в опознании смысла жизни, а в системной организации и улачной дистрибуции специфического ресурса.

Соответственно и усилия индивида направлены не на обретение полноты личности, а на расширение пространства собственной актуализации.

В результате культурное наследие человечества превращается в компоненты трансформера *a la Lego*, текущие штудии — в мебисообразную игру в бисер либо конвейер массовой культуры. И, как следствие, распространяется феномен фрагментарного, клипового сознания. Так что читать толстые романы не то чтобы не модно, но порою становится физически затруднительно.

Происходит декомпозиция культуры с экстенсивной эксплуатацией достижений, рассматриваемых как элементы сборки, их произвольная реконструкция в соответствии с конкретной задачей. Причем, случается, противоположного свойства.

К тому же создатель культурного объекта или его продюсер, нередко заранее учитывая маркетинговую стратегию, встраивают ее компоненты в художественную ткань.

* * *

Многоликая, чуть ли не турбулентная феноменология перемен способна, однако, обезличить, растворить в массе ярких, но второстепенных деталей проклюнувшееся своеобразие культурного генома и оригинальной специфики складывающегося мироустройства.

Происходящие изменения в социальной и культурной жизни можно, конечно же, объяснять усиливающейся прагматизацией бытия, что зачастую и делается. Действительно, часто приходится сталкиваться со следующей точкой зрения: долгое время в мире доминировали *ценности*, а сейчас начинают превалировать *интересы*, т. е. происходит движение от сущности к видимости и, в конечном счете, энергичное уплощение цивилизации.

На первый взгляд дела обстоят именно таким образом.

Однако можно ли всю феноменологию перемен объять подобной тотальной рационализацией? Пожалуй, нет. Это было бы достаточно поверхностным прочтением

возникающего культурного текста. Помимо очевидного упрощения и даже примитивизации мы имеем дело с интенсивным процессом социального творчества, со сменой социокультурных амбиций и ожиданий, с многообразными проявлениями специфического мироощущения, оригинальным переосмыслением системы взаимоотношений: *человек—мир—Бог*.

Попробуем перечислить первые приходящие на ум реалии современного мироустройства: феномен массового общества, неолиберализм, управляемая демократия, поствестфальская система международных отношений, унификация и транспарентность национальных правовых систем, элементы глобального управления, сетевые организации, финансовая экономика, виртуальная реальность... А также ряд явлений, связанных с кодексом политкорректности: от феминизма, утверждения полноты прав сексуальных и любых других меньшинств, права распоряжаться собственным телом (аборты, фетальная терапия, новые репродуктивные технологии, смена пола, генетические манипуляции, в перспективе — клонирование) до легализации эвтаназии, легких наркотиков и т. п.

В данном собрании коррекций прежней ценностной и правовой системы просматривается дерзновенный комплекс, ломающий горизонт идеалов христианской секуляризации. Комплекс, который базируется все-таки не на плоских интересах, а на разветвленной и глубокой системе каких-то иных ценностей, неотчетливых, укрытых до времени инерцией жизни и эклектикой повседневности.

* * *

Что все это означает?

Быть может, дело в том, что обретенная на пике христианской культуры универсальная свобода, в конечном счете, предопределила наступление неминуемого в данной логике момента легализации иных кодов бытия.

И то, что наблюдается сегодня, есть не что иное, как неизбежное смещение времен, смещение цивилизации и одичания (но это уже не прежняя цивилизация, как и не прежняя дикость), плавильный тигель нового, синкретичного состояния общества — альтернативной цивилизации, где человеку будет дано распорядиться свободой как никогда и одновременно испытать небывалое угнетение.

Вообще-то складывается парадоксальная ситуация, когда материальные успехи цивилизации с точки зрения прежних прописей истории постепенно лишаются изначального смысла и замысла...

Но взглядевшись в калейдоскоп, начинаешь различать, как сквозь игру повседневности, за политическими и экономическими бликами проступает облик некой *неопознанной культуры*, и нам остается лишь распознавать этот лик.

Правда, возникают проблемы: с некоторых пор исследователи инстинктивно избегают делать слишком широкие, тем более метафизические обобщения, а явления все чаще рассматриваются в функциональном ключе, по возможности выдерживая дисциплинарные разграничения мировоззренческих тем, социальных дисциплин и культурологии.

В свою очередь, сокращение горизонта рефлексии, утрата вкуса к большим смыслам (в немалой степени поддерживавшегося в прежние времена традицией богословия) приводит к тому, что политические и экономические закономерности нередко воспринимаются как самостоятельные, автономные и даже суверенные универсалии.

И даже едва ли не как инвариантные, «стадиальные» динамические модели для всех культур и на все времена. А происходящие в обществе изменения — как следствие самостоятельной, автономной, хотя и со сбоями, работы механизма истории, т. е. как чуть ли не механический и по-своему заранее гарантированный результат.

Посему, чтобы прочесть актуальный социокультурный черновик, опознать смутную, наспех начертанную культурную новацию, приходится отступить на шаг, осве-

жив в памяти мнения и суждения той поры, когда в обществе еще царила тяга к широким метафизическим и культурологическим обобщениям.

* * *

Однако даже привычно поминаемая в этой связи веберовская шинель становится тут узковатой.

Макс Вебер, как известно, затрагивая тему становления современности, рассуждал о протестантских корнях капитализма. Но если внимательно вчитаться в строки работ, можно сделать несколько уточнений — к примеру, речь идет не столько о протестантских корнях вообще — тем более в масштабе всей Европы, а не преимущественно Германии — сколько, главным образом, о кальвинистских (и еще о влиянии американских пуританских сект). Разница, впрочем, на первый взгляд, вроде бы незначительная.

Но можно вспомнить также другие его оговорки, например, о применимости корпуса рассуждений лишь к предыдущей фазе денежного строя, а отнюдь не к процессам, обозначившимся к началу XX века: «...в настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между... “хремастическим” образом жизни и каким-либо целостным мировоззрением». А ниже провозглашается нечто даже более радикальное: «...капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору»³.

Обозначенные выше, да и некоторые другие различия между рассуждениями ученого и стереотипами, распространенными сегодня в обществе, позволяют уловить некий вектор. Направление мысли, следуя которому, можно обнаружить второе дно, связанное с идеологией социального постмодерна — той самой отрывочной скорописью, претендующей на роль сакрального текста новой цивилизации.

В нынешнем, трансформирующемся мире капитализм Модернити, капитализм «веберовский», «цивилизованный» утрачивает привычный облик. Прежняя ипостась, устойчиво увязываемая с протестантской этикой, теряет черты христианской цивилизованности, возвращаясь к некоему изначальному состоянию — капитализму «варварскому», «незападному», но уже в постмодернистской и непознанной ипостаси.

Ариаднова же нить и рабочая гипотеза данного рассуждения заключается в следующей посылке: возводимая в недрах общества антропологическая и социальная конструкция имеет глубокий и более древний, нежели протестантизм, мировоззренческий фундамент, который, на наш взгляд, принадлежит *гностицизму*.

И соответственно постхристианский универсум, чей облик с каждым днем становится обстоятельнее и четче, может быть определен с точки зрения его начал и постулатов как гностическое мироустройство.

Трансмутация истории

Не имея возможности направиться в высшие сферы;
я двинулся к Ахеронту.

Вергилий

Что есть гностицизм, его внутренняя картография применительно к современному кругу проблем, т. е. к общественному мироустройству, экономической и политической практике, ценностям и мотивациям поведения человека в мире?

Каким видится влияние идей и шире — присущего ему мироощущения на принципы культуры и практическую жизнь? Наконец, какова наиболее соответствующая его духу и логике модель социального универсума?

---

³ Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. С. 91.

Отличительной чертой гностицизма является особый статус материального мира как области несовершенного, случайного; как пространства «плохо сделанного» земного и человеческого космоса, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Бог обособляется здесь от чуждого ему творения, трансформируясь, по сути, в Аристотелев перводвижитель; миру же придается тот же механицизм, что и у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним.

Характерны абсолютизация роли зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии «сил темных», а также вытекающий из данной фатальной и трагической ситуации деятельный пессимизм.

Кроме того, гностицизму свойствен глубокий, порою онтологичный дуализм, который предопределил и специфическую антропологию.

Речь, однако, идет не о сложных кодах соединения разнородного, как, скажем, в дохалкидонской полемике о сочетании двух природ в Богочеловеке, а о двух породах людей, о жестко разделенных слоях человечества: высшем и низшем (избранных и отверженных), проявлением чего оказывается радикальный, обостренный элитаризм.

Другой родовой признак гностицизма — эзотеризм, эволюция степеней посвящения, практика создания особых структур управления, скрытой власти, действующей параллельно официальной, но невидимой для нее; организация влиятельных структур, применяемых и используемых также во вполне прагматичных целях.

Еще одно немаловажное свойство — специфическое, абстрактное, системное мышление, стремление к строительству бесконечных миров, числовых, нумерологических систем.

* * *

Иначе говоря, гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее по-своему, через призму негативного восприятия вселенной и ее умопомраченного творца.

Пытаясь отыскать простое (линейное) и понятное (рациональное) решение метафизической тайны — генетики разлада между всемогуществом и всеблагостью — адепты учения усложняют по форме, но упрощают, по сути, и модель мира, и саму проблему, и ее решение, придавая им какой-то скорее механистичный, нежели метафизический привкус дурной бесконечности. И тем самым творят представление о творце и творении редуцированное, прагматичное, жесткое, неблагое.

Рискуно сказать, что гностицизм — своего рода упрощенное христианство, что, однако, влечет совсем непростые следствия. Но как раз этой стороной данное мировоззрение наиболее близко современному человеку, развращенному потребительской логикой, эманациями поп-культуры и обожающему именно эффективные упрощения. Особенно если есть возможность заменить реальное, порою трагедийное усилие души, не слишком обременительными квазимистическими спекуляциями ума (имеющими к тому же — как всякое средство повышения комфорта, в данном случае душевного, — коммерческую составляющую и перспективу).

Кстати, проекты именно класса *a la* интеллектуальный поп-арт, ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к престижной высокой культуре (*haute couture*), своего рода духовный материализм и поиск специфического душевного утешения, считаются весьма перспективными именно в этом смысле.

И в этой же купели совершается совершенно иное действие: историческое обновление изначально терзавшего человечество вопроса — прямо провозглашенного некогда Иовом — о природе блага и масштабах могущества зла, вопрос, нашедший новые основания и обретший дополнительные измерения в теологии после ГУЛАГа и Освенцима.

Искушение — головокружительный простор для людских слабостей; гностицизм же в своей основе есть действенная иллюзия и энергичная попытка постижения истины и свободы без обретения жертвенной, самоуничтожающей любви. Порою создает-

ся впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения — присущая только ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности, вполне, кстати, отражающая *Zeitgeist* эпохи уплощения цивилизации и освобождающейся дикости.

Двойственный же характер представления о реальности проявился в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом, что бы под этим ни подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся, по существу, разумными животными. Гностический универсум делится, таким образом, на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и материальный мир поделок (десакрализованный Юг).

* * *

Сложноподчиненная конструкция Мирового Севера и Мирового Юга может быть, впрочем, истолкована как полупародийное переосмысление дихотомии Страшного Суда, всего корпуса христианской эсхатологии. Тут можно было бы вспомнить известные слова о *«переложении иудейского хилиазма... на язык политической экономии»*⁴.

И даже шире. Почти фарсовое сближение апокалиптического противостояния избранного народа миру зла со *«священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии»*, в наши дни дополнилось иной антитезой: противопоставлением *«рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга»*, квинтэссенция коего — идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание, либо развязывание демонов мировой анархии.

С другой стороны, миллионы людей соотносят именно данные события, причем во вполне земных, исторических, современных формах, с приближением *«нового неба и новой земли»* постисторического бытия, символизируемого возникающим из сердцевины истории — т. е. в процессе человеческого творчества — идеального града: Горнего Иерусалима.

Наконец, главное. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (механические объекты), то и действия в отношении них лишены реального груза моральной ответственности. Тогда высшее состояние этой юдоли зла — ночь творения, грядущий распад и аннигиляция мира, освобождающая избранные души от власти материи.

Ночь истории, что тенью сопричастна на протяжении всех дней творения человеком собственного мира — как изнанка свободы, как шанс на возрождение первобытного хаоса, — предчувствуя исполнение сроков, кажется, готовится к историческому реваншу, чтобы повернуть социальное время вспять ко временам архаики Протоистории.

В гипотетичном мире распада структура Мирского Града, пройдя последнюю стадию перерождения ткани мегаполисов, бидонвилей и фавел, скрывается в виртуальном/психоделичном лабиринте мирового андеграунда, на пути к вселенскому упокоению и некрополю, устремляясь в дурную бесконечность немой ахронии.

Смутно различимый и предчувствуемый в центре данного лабиринта Пандемониум — также своего рода град, имеющий собственную причудливую архитектуру.

* * *

Наверное, нельзя не упомянуть еще об одной слишком очевидной и потому, как ни странно, неотчетливой черте гностицизма — его тяге к христианству (особенно к наиболее напряженной и интенсивной форме последнего — исихазму), о двойничестве-оборотничестве. И о сопричастности на одной территории *«абсолютной религии»* подчас одних и тех же душ и умов.

Гностицизм по-своему близок христианству, т. е. как его основной оппонент, «близнец». В некоторых случаях различие кажется столь тонким, словно из сферы субстанции оно перетекает в область акцентов.

---

⁴ Булгаков С.Н. Соч. Т. 2. — М., 1993. С. 259.

В Древнем мире гнозис вообще оказался своеобразным провозвестником христианского века, зачинателем осевого времени, будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур.

Он свидетельствует о христианстве как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то знает о христианской истине, но по слишком многим причинам предпочитает дать собственный ответ, в котором оказывается разъятой триада свободы, любви и реализма. Гностик — это безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, став пленником иллюзорного зазеркалья. «Мы восстанавливали человека, но когда это существо восстало, оно оказалось мало похожим на человеческое».

Адепты лжеименного учения подменяют личное и жертвенное сочетание свободы и любви в реальном мире на соединение свободы и универсального, но безличного знания в мире иллюзий. Их бог — не личность, ибо гностическим даром, утешением можно уверенно обладать и обогащаться, управляя как силой, что подчас сближает гностицизм с магией.

Различие двух ответов на тайну бытия проявляется также в отношении к несовершенствам жизни: гностицизм, копя в хрониках цивилизации нигилизм, отрицает жизнь и, тяготея к силам искусства, изобретает несуществующее (плодит утопии), в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его спасти.

Смысл и результат христианского творчества все-таки не спиритуалистичен, а реалистичен, конкретен и даже персоналистичен.

Его цель — не искусство как апогей бесконечного процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект здесь отделяется от какофонии случайного, но человеческая личность отъединяется от греха и его следствий (искажений), так что объект творчества охватывает, в конечном счете, весь мир, не предрешая, однако, результат, но воплощая его в соответствии с милосердием и свободой икономии спасения.

Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но и гностицизм, и христианство оба пребывают в трансцендентном отношении к обыденности, постоянно сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах.

Хотя, конечно же, земное пространство распространения гностицизма, универсалистский дух которого проклевывается еще в буддийском нигилизме и зороастрийском дуализме, не ограничено иудео-христианским миром.

* * *

Оставим, однако, за пределами текущего рассуждения времена мандеев и ессеев, равно как и фрагменты учений Симона Мага и Саторнила, Василида и Валентина, офитов и каинитов, сифиан и архонтиков. И даже такие важные для темы фигуры, как Маркион и Мани.

А также весь калейдоскоп околумусульманской мистики и иудейской кабалистики, имевших, пожалуй, даже бо́льшие, нежели гностицизм, возможности для полулегального существования в космосе средневековой Европы, образуя симбиотические конструкции со структурами повседневности.

Если попытаться сжать время и выделить некую отправную точку, момент для развертывания релевантного феноменологического и исторического дискурса — когда многовековой подспудный процесс выходит на поверхность, зримо проявляет себя и значимо социализируется, то наибольший интерес, пожалуй, представляет предыдущий *fin de millenium*.

Другими словами, первые века второго миллениума христианской эры.

Тогда, после тектонического раскола универсального пространства спасения в XI — XII столетиях, массового перемещения людей и ценностей в ходе двидения народа и крестовых походов, в Европе так же, как и сейчас, велись разговоры о новом мировом порядке, даже словосочетание употреблялось то же: *Novus Ordo*. Так что сен-

тенциям типа: «Есть много на земле такого, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...» противостоит сплошь и рядом почти банальное в скептическом реализме: «Ничто не вечно под луною...».

В XIII веке стали явственными мутации духовного порыва, кризис ожиданий, связанных с походом крестовых походов, сопровождавшихся, кстати говоря, обратной волной культурной экспансии, взаимной социокультурной диффузией, привнесением в европейский круг обширного восточного наследия. То же относится к процессу Реконквисты и к обретению Западной Европой в начале XIII века наследия византийского.

В этот период наряду с утверждением христианского мира в качестве генерального субъекта исторического действия — цивилизации универсалистской и прозелитической — к древу истории активно прививается побег, произраставший из зерен специфического антропоцентризма и гностических ересей.

Эта ветвь, постепенно разросшись и укрепившись, со временем произвела мутацию могучего европейского организма, создав современный нам экономистичный универсум.

Амальгама западноевропейского ума эффективно соединила в данном процессе стремление к ясности, демифологизации мира с механизмом его формального прочтения, проявившееся, в частности, в дискурсивном пространстве схоластики. А затем — в феномене естественнонаучного мышления, развитии технических, социальных, гуманитарных инструментов и дисциплин, породив ряд характерных для современной цивилизации явлений.

И предопределив тем самым ее энергичную экспансию.

* * *

Но что же такое новый порядок в социально-политических реалиях того переходного времени?

Это был фактический распад прежней, импероцентричной системы, период своеобразной приватизации власти, что нашло выражение в реализации структур феодализма/феодализма. Затем произошла аграрная революция, сопровождавшаяся ростом населения, а чуть позже — начался урбанистический взрыв.

Зачиналась эпоха географических открытий, усиливались миграция, колониальная экспансия, менялись торговые пути и финансовые схемы и т. п.

В сущности, уже тогда возникают первые сполохи зари Реформации, происходит пассионарный толчок, направленный против эксцессов и духовного оскудения Рима, складывается динамичная социальная общность новых людей и светских интеллектуалов.

Распад мироустройства привел несколько позже к формированию системы суверенных национальных государств, в которых закат идеала христианского народа и его единого царства нашел свое воплощение в альтернативном чувстве земного патриотизма.

Впоследствии идеалы вселенской социальной общности рассматривались уже в совершенно иной системе координат: сначала как движение к «союзу наций», а затем как преодоление национальной власти и государственной суверенности на пути к миру, реально управляемому новой универсалией — синтезом международного права и свободной деятельности (домостроительной и хрематистической).

Кстати говоря, *Novus Ordo* переводится не только как «новый порядок», но и как «новое сословие» (сословие и порядок — одно и то же слово на многозначной латыни). Проблема тут глубока и многомерна, она осознавалась и схоластически осмысливалась в период великого перелома начала второго тысячелетия, иначе говоря, у истоков современной фазы цивилизации.

Хорошо известны стереотипы трех сословий, но хуже — четвертого. А полемика вокруг четвертого сословия велась не один век, в данной концепции проявилась квинтэссенция динамичного, транзитного состояния мира, смены, ломки мировоззрения человека Средневековья.

Контур нового класса, равно как изменившейся статус мира, проступали в дерзких исканиях мысли, в нетрадиционных торгово-финансовых замыслах, в пересечении всех и всяческих норм и границ, географических и нравственных, в областях теории и практики.

Диапазон его представителей — от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков. Так, в немецкой поэме XII столетия утверждалось, что четвертое сословие — это класс ростовщиков (*Wucher*), который управляет тремя остальными. А в английской проповеди XIV века провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же — бюргеров и ростовщиков⁵.

* * *

И здесь мы вплотную подходим к исторической загадке капитализма. К той области, в которой в наши дни бытует множество химер, стереотипов, мифологем и мистификаций.

Капитализм — не просто метод эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающий в лоне рыночной экономики. В определенном смысле это выход за пределы экономики, интеллектуальный, психологический и социальный прорыв, малодоступный язычнику, человеку традиционной культуры.

От рынка капитализм, впрочем, отличает не столько предмет деятельности, сколько ее способ, масштаб, цели. Это не рынок *per se*, но его особая организация.

Фернан Бродель, описывая непростое явление, назвал его «*противорынком*», поскольку суть «*в явно другой деятельности*», «*в неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подобающего места*». ⁶

Арнольд Тойнби в свое время выразился еще резче: «*Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом*».

Загадка капитализма

Кто дал вам губку, чтобы стереть небосвод?

Фридрих Ницше

Капитализм — энергичная социальная субстанция, целостная идеология, замысел и сценарий специфичного мироустройства, стратегия упомянутого выше денежного строя, сутью которого является не само производство или торговые операции, но операции системные, направленные на контроль над рынком и обстоятельствами, имеющие также целью перманентное извлечение системной прибыли (устойчивой сверхприбыли).

Грубым, архаичным, не слишком точным и уж совсем неприглядным аналогом могут тем не менее послужить отдельные черты деятельности мафии, причем в «классическом» смысле понятия, т. е. не как преступности, а как специфичной системы управления сумеречным миром, контроля над ним, взимания дани.

Капитализм обретает универсальную власть не через административные, национальные структуры, но главным образом посредством интернациональных хозяйственных механизмов.

Такая власть по своей природе не ограничена государственной границей и распространяется далеко за ее пределы, рассматривая всю доступную Ойкумену как про-

⁵ См.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация Средневекового Запада. — М., 1992. С. 244.

⁶ *Бродель Ф.* Динамика капитализма. — М., 1993. С. 50, 57, 58.

странство, открытое для деятельности. В итоге параллельно проекту построения на земле универсального пространства спасения, *Universum Christianum*, этот мир-двойник создает собственный амбициозный глобальный проект — выстраивания вселенского *Rex Oecopotisana*.

*«Аналогия с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, — описывает положение хорошо информированный интеллеktуал-миллиардер Джордж Сорос. — Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели».*⁷

* * *

Питательная среда капитализма, его магнитное поле, силовые линии исторически складываются в нервном сплетении финансовых схем и трофейной экономики крестовых походов, преимущественно на приморских ареалах Европы (исключение — «сучопутный порт» ярмарок в Шампани).

Его родовые гнезда — это, прежде всего, города-государства и области Италии: Венеция, Генуя, Флоренция, Ломбардия, Тоскана, а также побережье Северного моря: города Ганзейского союза, Антверпен, позже — Амстердам. (Противолежашие «в лотарингском лимитрофе» миры Нидерландов и Венеции объединяет, кстати говоря, одно странное обстоятельство — это в прямом смысле слова *рукотворные миры*.)

Духовным же источником капитализма стали, по-видимому, разноконфессиональные, но достаточно единые в своей основе — и свободные от специфических ограничений, налагаемых христианским мировоззрением и культурой, — ереси, уже тогда прямо и косвенно оплодотворявшие семена будущего бунта Реформации.

В этот период секты и ереси активно распространяются в Европе: эстафета передается от павликиан и богомилов к патаренам и альбигойцам (сообразно с направлениями движения артефактов, идей и людей после катастрофы, постигшей Византийскую империю), т. е. к общинам катаров и вальденсов.

Это также тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, сама система организации которых — впечатляющий прообраз будущих ТНБ, ТНК и виртуальных корпораций-государств.

Особенно же интересны в русле данного рассуждения вальденсы, определение которых различными авторами разнится от «еретической секты манихейского толка» до «дореформационной протестантской конфессии», но, возможно, тут нет противоречия.

* * *

В годы гонений, последовавших за альбигойскими войнами, вальденсы разделились, причем радикальная часть, отказавшаяся принести покаяние, переселяется в германоязычные страны, в Нидерланды, Богемию, Пьемонт, в Западные и Южные Альпы, где, по некоторым сведениям, уже обитали общины, ушедшие от государственного христианства еще в IV веке: бунтари-багауты и «состязующиеся с дьяволом» агонистики.

Там, в труднодоступных местностях, местах ссылок, своего рода «европейской Сибири», в суровых условиях борьбы за выживание формируется дух протестантизма, отмеченный особым отношением к труду, личным аскетизмом, энтузиазмом, самоотречением, честностью, скрупулезностью, корпоративизмом.

⁷ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. — М., 1999. С. 114.

Развивается также институт тайного прозелитизма, охвативший со временем едва ли не всю Европу, вплоть до Скандинавии и Тартарии-Руси (в последнем случае преимущественно через торговое пространство Великого Новгорода, но не только).

Бывшие «лионские бедняки» активно внедряются в оптовую и розничную торговлю, что позволяет свободно перемещаться и устанавливать множественные связи. Контакты с вальденсами приписываются практически всем значимым фигурам дореформационного протестантизма: от Джона Уиклифа до Яна Гуса.

Изгнанные из легального мира, вынужденные жить в масках, общаться непрямым образом, сектанты обнаружили, что именно вследствие данных обстоятельств обладают серьезными конкурентными преимуществами и великолепно подготовлены для системных операций.

Иначе говоря, они владеют механизмом успешной реализацииговора и контроля над ситуацией, для разработки и реализации сложных, многотактовых проектов, осуществления крупных (часто коллективных) капиталовложений, неформального заключения доверительных соглашений, требующих долговременного оборота средств и деятельного соприсутствия в разных точках земли.

Другими словами, для формирования структур энергичного *private market* в рамках гораздо более аморфного *public market*.

Эффективность механизма была многократно проверена и со временем усилена историческим союзом, конкордатом прежней («воинской») и новой («денежной») аристократии, воплощена в феноменологии компаний-государств (наподобие Ост или Вест-индской), а впоследствии подтверждена сохранением соответствующих сетевых структур, развитием их модификаций.

И появлением иных аналогов уже во времена торжества секулярного общества, когда прежние причины данных форм поведения перестали существовать.

* * *

В XIV и XV веках совершается разделение ересей в социальном отношении. При чем процесс происходил параллельно с обустройством специфических корпораций, обозначившихся в очередном такте истории: гильдий и коммун.

Во-первых, выделились плебейские ереси: народные религии, своего рода крестьянский *New Age* с хилиастическими ожиданиями и социалистической перспективой, получившие собственную историческую реализацию, в том числе в XX в.

И, во-вторых, — ереси бюргерские («городские», «буржуазные»), ставшие закваской будущей радикальной трансформации западноевропейского мира, равно как ереси «университетские» или «интеллектуальные». Их системная реализация, комплексная культурная и социальная композиция, проявилась ближе к концу второго тысячелетия. В том числе в таких различных политических и идеологических конструкциях, как коммунизм, фашизм, неолиберализм (странным образом напоминая о знаменитых трех искушениях)⁸.

Однако и по сей день разрозненные фрагменты мозаики уверенно контролируемого мира не соединились в единую картину.

* * *

В XVI в. «буржуазная религия» окончательно выходит на поверхность в феномене Реформации, фактически второй «великой схизмы» христианской Ойкумены⁹.

⁸ Любопытно совпадение привычных «мест обитания» данных идеологий с ареалами преимущественного распространения определенных христианских конфессий (конечно же, не со стопроцентной точностью): коммунизм — православные страны, фашизм (корпоративизм) — католические, неолиберализм — протестантские.

⁹ В исторической реальности это все же третье потрясение христианского мира, если помнить об отпадении восточных православных церквей в V–VI вв.

Реформация по-своему легитимирует ряд еретических течений, включая их в западно-христианский социокультурный круг, закрепляя симбиоз подчас в форме скрытого синкретизма некоторых протестантских сект. «Когда-то Евангелие вызвало к жизни новую человеческую расу, — писал Эразм Роттердамский. — О том, что зарождается сейчас, я бы предпочел умолчать»¹⁰.

В историческом контексте интересен генезис, в том числе и географический, гугенотов и кальвинистов.

Не менее плодотворным является анализ конфиденциальных торговых и секретных финансовых соглашений Нового времени, зарождения и истории следующего поколения тайных обществ, чье мировоззрение и практика прямо противопоставляются вполне определенному «вероучению толпы».

Распространяется новый тип мироощущения, в котором эффективно проявляется такая характерная черта кальвинизма — и в той или иной степени протестантизма в целом — как деятельный фатализм, рассматривающий земное богатство в качестве зримого доказательства призвания, а успех — как признак харизмы. В средневековой же Европе доминировала совершенно иная логика: коротко говоря, при обязательности труда подчеркивалось противопоставление необходимого — *necessitas* — избыточному — *superbia* — с соответствующей моральной оценкой, т. е. стремление к наживе оценивалось как позор (*turpitude*) и даже сама деятельность профессионального торговца как едва ли угодная Богу (*Deo placere vix potest*).

Для человека, придерживающегося подобных взглядов, деньги имеют, прежде всего, символическое значение: они не столько богатство или средство платежа, сколько десигнат статуса и орудие действия в не вполне реальном мире, инструмент управления им.

Экономика же сама по себе вторична — она лишь основа иных схем и планов; психологически гораздо ближе оказывается стилистически рафинированная и отвлеченная Аристотелева хрематистика, но облагороженная и очищенная от низкой алчбы. (Или, как уже в наши дни и по несколько иному поводу выразилась Маргарет Тэтчер: «Экономика — это средство. Целью же является изменение души».)

Горизонт планирования при этом раздвигается, что позволяет со временем развернуть совершенно иное поколение технологий.

* * *

Подобное мироощущение провоцирует искушения, сближающие его практикантов с еретиками и адептами тайных наук.

Ибо романтика схем и цифр постепенно сливается здесь с кабалистикой и алхимией: финансовые формулы создают невероятные в прежней логике источники неисчерпаемого богатства, наподобие кредита последней инстанции. И наделяются при этом силой, обладающей несомненной, очевидной властью в этом мире — в том числе над поведением, судьбами, характером и душами людей.

К тому же, отрицая человеческую и божественную синергию, т. е. возможность подвига преображения, освобождения от греха со-трудничеством и нелинейными усилиями человека, действующего в соответствии с промыслом о нем, кальвинизм на деле превращает личность в индивида, практикующего ту или иную функцию ради достижения максимального результата как зримого доказательства собственной избранности¹¹.

Таким образом, трагизм личного усилия по слиянию с божественными энергиями и преодолению нарушенной природы теряет смысл, подменяясь деятельным гаданием, в результате чего индивид попадает в беличье колесо фетишизации успеха.

¹⁰ Цит. по: Гобри И. Лютер. — М., 2000. С. 315–316.

¹¹ Тут вспоминается непростая логика из Нового Завета, содержащая призыв к подвижничеству — постоянной трансценденции себя и мира: «Царство Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его».

Мир же при этом оказывается безнадежно расколотым.

И для определения статуса в вечности, принадлежности к сообществу спасенных или проклятых, к избранному народу *Übermenschen* или сонмищу *Untermenschen*, требуется не восхождение лестницей духа, но испытание профессиональной состоятельности. А «милость к падшим» сменяется почти ритуальным к ним презрением.

* * *

Погружаясь в эти неблагое пространства, испытываешь, однако, тягостное ощущение, что в жестких, эсхатологических проекциях, пусть и в отраженной (искаженной) форме, все же присутствует некая значимая для человеческой души реальность: предчувствие действительного, но не столько сущего, сколько грядущего вселенского разделения.

И отдельные черты будущей космогонии огненного мира отверженных, лишенного реальной сотериологии.

Кстати, вот что еще приходит на ум. Читая о тех или иных ужасах Средневековья, невольно задаешься вопросом: какой могла бы стать европейская ночь после великого переселения народов, если бы в ней не засияла звезда Рождества, т. е. отсутствовал бы христианский идеал и вектор истории?

Но вернемся к сюжету.

Учение о предопределении — квинтэссенция новой веры¹². Именно здесь ощутимо присутствие своеобразного дуализма: жесткость и отчасти механистичность новой антропологии, формирующей в обществе собственную аристократию житейского успеха.

Проявляются эти пассажи уже у Лютера, причем не только в «школярских» теолого-антропологических антитезах («если в нас, Бог, то места для сатаны просто нет, следовательно мы можем стремиться только к добру, если в нас нет Бога, значит его место занимает дьявол, и все наши побуждения будут направлены ко злу»), но и в гораздо более редких у него, изощренных рассуждениях о двойственной воле Творца. О том, что помимо явной воли Бога, которая «ищет спасения для всех людей [...] есть и другая, несоизмеримая с первой и представляющая собой непостижимую тайну. Этой волей творится жизнь и смерть людей, этой же волей изначально решается, кому из людей будет даровано спасение, а кого ждет вечное проклятие»¹³.

Уже в данных конструктах можно различить истоки будущего состояния мира, когда происходит «постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем».¹⁴

* * *

И опять вернемся к непростым перипетиям генезиса капитализма.

Его зарождение, первую, торгово-финансовую, фазу обычно связывают с XV–XVII вв., хотя по ряду параметров истоки можно датировать даже более ранним временем, что, правда, нередко и делается с использованием понятия *протокапитализм*.

¹² Основы трактовки пространств свободы были заложены еще блаженным Августином. В сущности, вопрос здесь — принадлежит ли человеческая свобода вечности или времени. От ответа напрямую зависит либо открытость и драматичность текста бытия, либо прочтение судьбы как книги с известным концом.

¹³ Лютер М. «О порабощенной воле». Цит. по: Гобри И. Лютер. — М., 2000. С. 322. В каком-то смысле, здесь помимо дуализма проскальзывает, пожалуй, в неявной форме также оттенок столь чуждого духу христианства эзотеризма.

¹⁴ Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. — N.Y., 1976. P. 252.

Расцвет же был связан с эпохой географических открытий, кардинально изменившей экономическую картографию, сместив центр тяжести из средиземноморского в широкий атлантический (океанический) мир.

Растущий приток драгоценных металлов, экзотических товаров, других материальных ценностей, вызывал к жизни более изощренные формы кредитно-денежных отношений, сдвигая одновременно вектор активности в космос финансовых операций, рождая такие эпохальные изобретения, как банк, вексель или ассигнация.

Закат же торгово-финансовой фазы совпал с упрочением на исторической арене национального государства, которое забирает себе наиболее прибыльную часть этой деятельности — кредитование стран и правителей, приступив к самофинансированию собственных нужд, путем выпуска государственных ценных бумаг и эмиссии национальной валюты, особенно (со временем) в форме банкнот.

Капитализм, однако же, успешно преодолевает возникший было кризис, занимая и формируя новую нишу, иногда прямо отождествляемую с ним, что порождает ряд aberrаций и иллюзий, — индустриальное промышленное производство.

Эта сфера хозяйственной активности в тот период развивалась по стремительно восходящей линии, с лихвой (в значении, прямо заложенном в данном слове) оправдывая практически любые капиталовложения и создавая на основе характерных для христианской цивилизации радикальных инноваций — расширенного воспроизводства и перманентного технического прогресса — все более обильный прибавочный продукт.

От подобного стратегического союза получало выгоду также государство, чьи инфляционные и эмиссионные риски, как правило, оправдывались интенсивным промышленным развитием, ростом национальной экономики.

В общем энтузиазме эпохи, в обретении рыночной конкуренцией второго дыхания и в звездном часе порожденной городской революцией демократии временно растворяются, отходят на второй план многие негативные черты денежного строя. В это же время особенности капитализма, действующего в христианском обществе, принимаются за черты самого феномена и наоборот.

Однако в завершающем второе тысячелетие веке капиталистический индустриализм переживает как стремительный взлет, так и серьезный кризис.

* * *

В прошлом столетии индустриальное производство, испытав стремительный взлет, одновременно испытало на себе действие фундаментальных факторов, препятствующих динамичному росту промышленности, ведущих к падению нормы прибыли в традиционных отраслях.

Во-первых, — это ограниченность платежеспособного спроса по сравнению с резко возросшими производственными возможностями. И как следствие, необходимость либо вовлечения в процесс расширенного потребления новых групп населения, либо развития новых, порою искусственных, престижных потребностей у платежеспособной его части, либо же создания механизмов целенаправленной деструкции ранее созданных материальных ценностей.

Во-вторых, — обозначившиеся со временем границы хозяйственной емкости биосферы, перспектива серьезного ухудшения ее качества, а также исчерпания критически важных видов природного сырья.

В третьих, — усложнение отношений с научно-техническим прогрессом.

В частности, из-за его двусмысленного воздействия на норму прибыли, учитывая необходимость перманентного перевооружения основных фондов вследствие быстрого морального устаревания. А также из-за потенциальной способности неконтролируемых инноваций, открывающих и закрывающих технологий выбивать почву из-под ног сложившихся хозяйственных организмов и целых отраслей.

Но произошли, кроме того, серьезные изменения в направлении реализации творческого дара в условиях его рыночной капитализации, в характере самой инновационной динамики и еще, пожалуй, в диапазоне ее желаний и возможностей.

Последний пассаж, впрочем, — наиболее спорная часть триады.

Однако, если мы сравним состояние инновационной сферы в начале и конце прошлого века, перечисляя конкретные прорывные достижения, то с удивлением обнаружим, что инновационный подъем в последние десятилетия не возростал, а скорее затухал, правда, не равномерно, хотя достаточно заметно. При общем росте значения интеллектуальных технологий фундаментальные открытия — *radical innovations* — сменяются и размываются многочисленными эффектными рационализациями открытий — *progressive innovations*, происходит универсальная технологизация науки.

Переживают расцвет информационные и финансово-экономические технологии, оптимизационные по своей природе, а также социальные инновации, другие «мягкие» инновации и технологии.

И, наконец, порог миллениума стал пограничной территорией, на которой кристаллизовались стратегические замыслы конкурирующих в обществе сил. С этого времени интересы капитализма и промышленного производства, судя по всему, больше не совпадают.

Глобализм и сетевая культура

К. прибыл поздно вечером.

Франц Кафка

На пороге миллениума обезличенная секулярность, светскость *per se* предстает универсальной наследницей протестантского мира, новой культурной основой цивилизации, ее осью и естественным пределом — «концом истории».

Будучи носителем «политически корректной», секулярной версии великой культуры и вполне определенного цивилизационного содержания, если не идеала, на очертившихся глобальных просторах она предъявила претензии на формирование и глобальное распространение, утверждение собственной идеологии, эклектичной по мировоззренческим основам, но социально мотивированной, достаточно широко поддержанной и влиятельной.

Глобальная деколонизация, борьба за мультирасовое общество, повсеместное признание гражданских прав, главенство принципа суверенитета человека независимого от его личных свойств и убеждений — все это прочитывается как многоликий и многослойный универсальный процесс постмодернизационной трансформации мира.

В обществе распространяются нормы политически корректного поведения, соответствующего этой новой системе ценностей, вызывая различные чувства — от недоумения и насмешек, неприятия и сопротивления до горячей, страстной апологетики и жертвенной экзальтации.

* * *

Однако новая глобальная секулярность оказалась все же мировоззрением «неосновательным» и по-своему хрупким.

В ситуации фактической утраты собственных глубинных начал и полу-добровольно налагаемого на них эмбарго она все чаще поддается интенсивному, пассионарному воздействию со стороны как неоязычества, так и фундаментализма различных толков, не имея при этом ни соответствующего иммунитета, ни энтузиазма прежней культурной традиции.

Таким образом, после политической и культурной деколонизации Не-Запада, образования обширных эклектичных пространств Третьего мира, семантика глобальной революции реализует себя уже как «деколонизация» самого Запада, отмеченная прямым и косвенным демонтажем прежней культурной конструкции, элементами де-христианизации и квази-ориентализации.

В результате сложившийся было на планете социокультурный консенсус оказывается на деле ситуацией исторически недолговечной и транзитной. А на прорисовывающемся бескрайнем и холмистом постсовременном пейзаже становятся все более заметными трещины и контуры иной, уже и не христианской, и не секулярной (пост) цивилизации.

Социокультурный ландшафт планеты ощущает при этом тектонические толчки от пробуждения иного, также глобального по своим потенциальным возможностям, но подавленного в прежнем мире универсализма, обозначившего претензию на роль главного творческого фермента нового мира.

* * *

Итак, социокультурные устремления и концепты эпохи Модернити ветшают на глазах, в то время как в меняющемся мире зримо утверждается новая шкала ценностей и прорезаются иные исторические перспективы.

В системе социальных коммуникаций на поверхность выходит амбивалентный на первый взгляд по отношению транслируемым через его посредство идеалам и ценностям феномен сетевой культуры, быстро проявивший себя, однако, и в формах социальной организации, и в экономической, и в культурной деятельности. И, наконец, в кризисе всей прежней системы общественной регуляции.

Особая тема — его роль в становлении новых пассионарных сообществ, группировок постиндустриальной массовки и амбициозной, элиты.

Преображается также структура международных связей, номенклатура ее субъектов, под сомнением оказывается классическая, вестфальская система международных отношений.

Человек новой культуры в новом тысячелетии окончательно выходит за пределы религиозного патернализма, социального и культурного контроля «над разумом и языком», за пределы прежних форм метафизического и психологического программирования его действий.

Он расстаётся при этом не только с оболочкой обрядности и суеверий, подавлявших волю, но со всем прежним прочтением культурной традиции, реализуя практическую и метафизическую свободу, равно как и свободу выбора существования вне какого-либо зримого метафизического модуса. Это позволяет ему по-своему, персонально индивидуальным образом перетолковывать основы и цели собственного бытия, выявляя и проявляя истинную сущность, какой бы та ни оказалась.

Человек становится самостоятельным актором, деятельно формируя пространства метафизической и социальной картографии, произвольно очерчивая рубежи театра будущих действий, которые в одном из важнейших аспектов можно было бы определить как власть без государства.

* * *

Диапазон прочтений будущего мира, таким образом, весьма широк, что вполне естественно для проявлений человеческой свободы, выплеснувшейся за прежде очерченные рамки. И сегодня можно разглядеть перспективы, неведомые ранее историческому взору.

К примеру, та же террористическая активность, индивидуальный акт деструкции, становятся устойчивыми спутниками жизни в новом мире, будучи в своей основе извращенным проявлением тех же тенденций христианской цивилизации к децентра-

лизации и индивидуальной свободе, что и лежащие в основе феномена гражданского общества.

Это своего рода обугленный остов обостренной гражданской инициативы в тотально недоброжелательной или агрессивной среде. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная социальным инстинктом, сама отчуждает подобный мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки.

Дело, плнако, не в полной смене цивилизационного кода, а в изменившихся обстоятельствах и возможностях последовательной реализации и масштабного проявления внутреннего выбора индивида. Это вместе с тем совершенно иной модус цивилизации, лишенной определенных нравственных границ.

В меняющихся условиях принимаются энергичные меры для переосмысления открывающихся перспектив, разрабатываются начала и принципы трансграничных механизмов для воплощения идеалов управления новым миром, долгосрочного планирования в нем стержневых событий.

Таким вектором планирования исторической динамики в свое время стал масштабный проект глобализации.

* * *

Осенью 1966 г., в ситуации нарастания кризиса — в разгар бомбардировок Северного Вьетнама, серьезных разногласий с европейскими союзниками, прежде всего Францией, внутренних потрясений, в преддверии наметившихся валютных и экономических неурядиц, военно-стратегических сдвигов — президент США Линдон Джонсон выступает с речью, в которой, частности, говорит о необходимости «*поскорее наладить связи между Западом и Востоком*».

Создается рабочая группа на базе Совета национальной безопасности во главе с Френсисом Бейтором; Белый дом и влиятельнейший Совет по международным отношениям иницируют серию дискуссий и консультаций по дальней границе (*high frontier*) американской и мировой истории.

Весной следующего года в Европу и СССР с соответствующей миссией отправляется неформальный представитель президента Макджордж Банди (к тому времени ставший руководителем Фонда Форда), а уже летом, 23–25 июня, в поместье «Холлибуш», Гласборо, Нью-Джерси происходит встреча американского президента и советского премьера Алексея Косыгина (несколько раз встречавшегося также с вице-президентом Хьюбертом Хэмфри)¹⁵.

¹⁵ Тогда в середине 1960-х гг. в России-СССР тоже ощущается, хотя полноценно не осознается, стратегический характер ситуации, необходимость введения новых принципов социального и экономического управления, обновления политики. Однако именно в 1967 г. выходит на поверхность ведущая с 1965 г. борьба Леонида Брежнева с группировкой Александра Шелепина, проявившаяся вначале в планомерном сокращении его полномочий: преобразовании возглавлявшегося им Партийно-государственного контроля в Народный контроль, лишении поста заместителя Председателя Совета министров СССР, передаче Орготдела ЦК Капитонову, лишении позиции секретаря ЦК КПСС, и, наконец, в сентябре 1967 г. назначении Шелепина председателем ВЦСПС, правда, при сохранении — впрочем, уже достаточно формального — членства в Политбюро. (А при воссоздании союзного МООП в июне 1966 г. был выведен из игры руководитель российского министерства внутренних дел — при том, что союзное на тот момент отсутствовало — Вадим Тикуннов, в конце концов, сосланный послом в Камерун). Весной 1967 г. началась завершающая фаза партийно-государственного переворота: в мае с поста председателя КГБ был снят Владимир Семичасный, очередной раз был ликвидирован многозначительный ОМИ ЦК КПСС и сослан в итоге также в Африку (Алжир) его руководитель Дм. Шевлягин, еще раньше, в апреле был снят с поста гендиректора ТАСС Дм. Горюнов (также уехавший послом в Африку — в Танзанию), а затем и председатель АПН Борис Бурков. Наконец, непосредственно в июне в момент встречи в Гласборо развернулась интрига с Николаем Егорычевым, окончившаяся его снятием с поста руководителя Московской партийной организации. (Дольше всех держался руководитель Гостелерадио Николай Месяцев, но и он был снят в апреле 1970 г.) А после исторического 1968 г., начала переговоров по стратегическим вопросам с Западом, ввода войск стран-участниц Варшавско-

Дальнейшее развитие событий идет по линии как государственных контактов, приведших в итоге к реализации политики детанта, Хельсинским соглашениями и договорам по ограничению, а затем сокращению ядерных и обычных вооружений, так и создания многоступенчатой системы неправительственных организаций, занятых поиском новой формулы мироустройства.

Интеллектуальное пространство подобной актуальной проблематики фиксируется при помощи понятия «глобальные проблемы человечества».

Под этим тезисом-концептом на рубеже 1960–1970-х гг. иницируются ряд интеллектуальных центров и международных неправительственных организаций, среди которых привлекает внимание Римский клуб, основанный в 1968 году во многом благодаря подвижническим усилиям Аурелио Печчеи и Александра Кинга. Одновременно на основе «Нобелевского симпозиума» была сформирована Международная федерация институтов перспективных исследований (IFIAS, 1972), а в результате переговоров по линии Запад — Восток создан междисциплинарный Международный институт прикладного системного анализа (IIASA, 1972), в чьей деятельности участвуют ученые противостоящих политических блоков. Провозглашается идея мониторинга будущего, необходимости *«искать пути понимания нового мира со множественностью до сих пор скрытых граней, а также познавать... как управлять новым миром»* кристаллизуется в виде задачи *«создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем»*¹⁶.

Вскоре появляется Трехсторонняя комиссия (1973), объединившая влиятельных лиц, перспективных политиков и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии, а затем, после вашингтонского совещания министров финансов крупнейших держав (1973), по приглашению французского президента Валери Жискар д'Эстена под Парижем в Рамбуэе рождается влиятельный институт наших дней — ежегодные совещания Большой семерки (1975).

* * *

Выделим три существенных фактора в трансформации глобального капитализма как универсальной системы.

Во-первых, это появление «новых денег» (логическое завершение многовекового процесса порчи монеты), на практике превратившихся из средства платежа в универсальную меру актуализации символического капитала (признания, стоимости) и инструмент управления. Доллар, окончательно утратив рудименты золотого стандарта (1971–1973), утверждает на практике феномен не обеспеченного ликвидностью, но умело управляемого алхимического кредита последней инстанции.

Во-вторых, это масштабные финансово-правовые технологии. Нефтяной кризис 1973 года стал пусковым механизмом их реализации, ведя к образованию перманентного глобального долга, структурной адаптации (перестройки), финансовой

го договора в Чехословакию и провозглашения доктрины Брежнева, процесс внутренних реформ в СССР окончательно ставится на реверс и консенсус достигается в русле предложенной стратегии детанта.

¹⁶ Декларация Римского клуба // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. — М., 1997. С. 310. В 1966 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) инициировала исследование одного из будущих отцов-основателей Римского клуба Эриха Янча *«Перспективы технологического прогнозирования»*, в котором была выделена тенденция к интеграции прогнозирования и планирования, приводящая к новой области интеллектуальной рефлексии и практической деятельности — *«активному представлению будущего»*. Название следующей записки Янча: *«Попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем»*. Основная идея работы — базовым элементом социальной эволюции является человек, способный формировать свое будущее. Критическое условие процесса — контроль над системной динамикой общества и окружающей средой. Схожие идеи содержатся в *«Проекте-1969»* Аурелио Печчеи, где формулируется необходимость *«нормативного планирования от будущего к настоящему»* для обеспечения контроля над *«некоторыми важными вопросами»* (демографическая ситуация, продовольствие, безопасность). Подробнее см.: Peces A. The Chasm Ahead. — Toronto, 1969.

ствбилизации. А с момента выхода ситуации за некоторые прежние ограничения и балансирования на грани глобальной нестабильности развивается система управления рисками, которая претендует на то, чтобы со временем сменить кредитный замысел в качестве камертона неоэкономической практики.

Наконец, в-третьих, приблизительно в те же годы разворачивается революция в микроэлектронике, средствах телекоммуникации и информации, производя на свет активно осваиваемые, практически не ограниченные физическими параметрами виртуальные пространства. Вначале, в те годы появляются сеть ARPANET (1968) как прообраз интернета и системы глобальной биржи, спутники связи, микрочип (1971), затем персональный компьютер, мобильная телефония, а также универсальные коды UPC-A и EAN-13 (1973) как прообраз и инструмент создания глобального каталога объектов собственности, товаров и людей.

Специфику новой формулы мировой экономики (приблизительно с тех же лет обретшей ярлык «глобальная экономика») можно, пожалуй, определить следующим образом: если до некоторого момента она представляла сумму национальных экономик, которые были самостоятельными субъектами, действовавшими на глобальном поле, то теперь ситуация как бы переворачивается. Появляется глобальный субъект, штабная экономика, которая через системы ТНК и ТНБ уверенно действует на национальных площадках, превращая их в универсальный объект.

Одновременно на планете утверждается единый тип хозяйствования, глобальный рынок, формируется система контроля и перераспределения мировых ресурсов и дохода.

* * *

Эти тенденции позволяют очертить контур третьей (после *торгово-финансовой* и *промышленной*) фазы капиталистической мир-экономики — *геоэкономической*.

Ее базовая цель — получение системной прибыли уже не столько за счет теряющего привлекательность промышленного производства (как когда-то произошло с торгово-финансовыми операциями), сколько в результате развития многообразных форм контроля над хозяйственной деятельностью в глобальном масштабе — наиболее простым, хотя и весьма частным, примером которых могут служить, скажем, знаменитые ножницы цен.

В некотором смысле можно сказать, что происходит возврат к алгоритмам первой, торгово-финансовой фазы, но уже на глобальном уровне, позволяющим осуществлять системные операции в едином экономическом пространстве и реализовывать коды управления социальными процессами в мировом масштабе.

Новые финансовые технологии и организационные схемы придают этому процессу второе, если не третье дыхание и глобальный размах.

И здесь социалистический эксперимент XX в. получает несколько неожиданную перспективу. Опыт коммунистического Постмодерна можно в данном контексте рассматривать как футуристическое забегание вперед, отрицание *публичной власти* ради полуанонимной, законодательно нечетко фиксированной, но фактически тотальной *власти организации* — треста или госкорпорации, которая через систему назначаемых управляющих (номенклатуру) контролирует пространство страны, группы стран, в идеале — весь мир.

Положение, когда крупная транснациональная корпорация направляет деятельность марионеточного правительства небольшой страны «третьего мира», может сослужить здесь роль своеобразной лабораторной реторты.

Создавшаяся ситуация есть своего рода завершение «гегелевской триады» становления глобального капитализма, где роль антитезы сыграл временный союз с христианской инновационной динамикой и промышленной революцией.

Институциональные формы третьей фазы могут со временем свести воедино проклюнувшиеся версии социального Постмодерна, запечатлев торжество широкой конвергенции культур и стилей, проявив их столь неочевидную сегодня типологическую родственность. Сохранится ли при этом отмирающий ярлык «капитализм»?

И стоит ли лишний раз подчеркивать, что мировоззренческая основа этой «высшей стадии» далеко выходит за пределы протестантской этики, вскрывая гораздо более интригующие истоки и горизонты рукотворного универсума?

* * *

Моделью проектируемой и выстраиваемой геоэкономической конструкции (*геокона*) может послужить известный многоярусный китайский шар, этот своеобразный аналог *гебдомады* гностического космоса.

Геокон последовательно соединяет хозяйственные диады (*сизигии*) в единую сложноподчиненную конструкцию экономистичного универсума.

На «нижнем», географически локализуемом его уровне — это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой.

Другой, более высокий локус — производство интеллектуального продукта и его высокотехнологичное освоение.

На транснациональном ярусе — это производство финансовых ресурсов вкупе с применением технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления индустриальными и иными экономическими объектами, в свою очередь, плодящими потребность в данных ресурсах.

Но транснациональна также изнанка, подполье геоэкономической конструкции — сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому проеданию ранее созданного и предоставленного природой потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также контроль над различными видами асоциальной практики.

Отсюда в легальный сектор в свою очередь продвигаются правила игры, вышедшие за пределы обозначенных Адамом Смитом ограничений (об этом чуть ниже), в которых правовой, а тем более моральный контекст утрачивают былое значение.

Наконец, на верхнем этаже расположена все еще пребывающая в становлении паутина штабной экономики.

Это система глобального управления метаэкономикой, установление правил игры и их финансово-правовое (и силовое) регулирование, унификация источника легальных платежных средств, тотальный контроль за их движением, выстраивание единой, диверсифицированной системы налоговых платежей, превращающих со временем все земли геоэкономического универсума в плодородную ниву нового мира — волшебный источник специфической квазиаренты.

* * *

Торжество денежного строя, его влияние и амбиции стать мерой человеческой практики и бытия очевидным образом свидетельствуют об истощении в мире христианской энергетики, а также и о хрупкости прежнего кальвинистского стержня.

Иная компонента жанного строя, напротив, набирает силу и начинает доминировать, при этом все чаще отбрасывая прежнюю гуманитарную риторику и пафосность призвания и спасения, по крайней мере, в прежнем смысле этих понятий.

Идеалы цивилизации заметно меняются: современные строители уходящей в дурную бесконечность конструкции говорят теперь на едином для стран и народов языке финансовых операций, обретающих смысл и жесткость естественных законов бытия. А социальная анатомия демонстрирует принципы и цели, в не столь еще отдаленном

прошлом неразличимые, либо лишь смутно предчувствуемые под флером христианской культуры.

Прежние ценности переживают сегодня не столько девальвацию, сколько семантическую коррупцию, выступая в роли своеобразных симулякров, скрывающих под привычными, но ставшими ветхими одеждами совершенно новые смыслы.

Впрочем, семантическое двоевластие, возможно, продлится не слишком долго: «... В отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности несомненно христианского происхождения, но объявленные всеобщим достоянием. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него. Откуда было ему взять уверенности и упования? Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами...» — писал еще в середине прошлого века немецкий теолог и философ Романо Гвардини¹⁷.

К примеру, в сфере неэкономике откровенно спекулятивный характер финансовой деятельности, переворачивает с ног на голову прежнюю архитектуру хозяйственной пирамиды. Косвенным образом он заодно повергает в прах как логическую эквилибристику Кальвина, обосновывавшего легитимность взимания процентов, так и слишком часто забываемую оговорку Адама Смита по поводу «законов справедливости», ограничивающих действие механизмов конкуренции. «Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, — писал Адам Смит, и именно этой существенной оговоркой очерчивается общее русло его умозаключений о невидимой руке рынка (под коей разумел он не нечто механическое, а «руку Божию»), — предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса». ¹⁸

Финансовый успех — это теперь уже не просто признак благодати, но сама благодать, проистекающая из единого центра — квазиплеромы кредита последней инстанции, активно перераспределяемая нисходящими божествами-архонтами — управляющими средне — и краткосрочными сценариями и рисками, при этом нижнее божество использует ее в самых низменных и преступных целях.

В круговороте совсем не призрачной жизни цифр и канторовских множеств («актуальной бесконечности») трансфинитной среды операций, тщательно взвешенных устремлений и просчитанных порывов, финансовые ресурсы, заменив харизму, определяют статус индивида, положение в обществе и положение самого общества, спектр легитимных возможностей в Новом мире, претендуя, таким образом, стать творческими энергиями, источником как созидания, так и уничтожения.

Финансовый успех в качестве мерила личности и общества становится, таким образом, универсальной шкалой, но по-настоящему крупный успех все чаще оказывается выше личных и социальных усилий, за пределом труда и морали, являясь признаком особой благосклонности воплощенного Абрахаса.

По крайней мере, в эстетических категориях, все это напоминает то ли строительство вселенского лабиринта — опрокинутой в глубины версией эшеровской версии вавилонской башни, то ли воссоздание мистифицированного кафкианского Замка. Кодовым же ключом к подобной конструкции земных иерархий является, напротив, тривиальная модель политкорректного Севера (*мировой град*) в обрамлении проклятых стран остального мира (*мировая деревня*) с их в общем-то не вполне легитимной (с точки зрения новой ситуации) и подведомственной властью.

¹⁷ Гвардини Р. Конец нового времени. // Вопросы философии. — М.:1990, № 4. С. 162.

¹⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 1962. С. 497.

* * *

Все более заметную роль в эффективной стратегии действий играют не только совершенство процедур, но также качество критических для ситуации личностей, не только совершенство высоких технологий, но ценности вкупе с мотивациями.

Дефицит стратегического мышления проявляется не в отсутствии масштабных целей — скорее, в недостаточном понимании основ, иерархии и взаимосвязи событий, их внутренней логики, в неумении читать тексты событий на прямо адекватном моменту и соответствующем эпохе языке.

И в проистекающем из этого факта упрощении, мистификации, мифологизации текущей реальности.

Основа обновления практики — генезис активной, инструментально обеспеченной и пассионарной личности, ее деятельное, подчас агрессивное, целеполагание, динамичная, виртуальная иерархия. Если старая среда была формальна и институциональна, новая — почти турбулентна и субъективна, подчас иррациональна (по крайней мере, может выглядеть и восприниматься таковой). Для нее характерны гибкость, мобильность, высокая степень разделения рисков, кластерные, синергетичные формы организации.

Новая культура, подобно вирусам, может сопридти в прежних институтах и социальных организмах. В недрах которых прочерчиваются собственные границы новоявленного «столкновения цивилизаций» — конфликта между централизованной иерархией и сетевой культурой, между администратором и творцом, между центростремительными и центробежными тенденциями. В экономике это выражается, к примеру, в расхождении, подчас значительном, оценки основных фондов корпорации с уровнем ее капитализации, в резком повышении роли человеческого капитала, широком распространении аутсорсинга и т. д.

Незадолго до конца прошлого века в Сан-Франциско, в знаменитом отеле «Фермонт», состоялась встреча 500 ведущих политиков, предпринимателей, ученых планеты. В ходе одного из заседаний произошел показательный диалог между Дэвидом Паккардом, одним из основателей империи «Хьюлетт—Паккард», и Джоном Гэйджем, управляющим высшего звена корпорации «Сан-Майкросистемс». «Сколько служащих вам на самом деле нужно, Джон?» — формулирует Паккард центральный в контексте данной темы вопрос. «Шесть, может быть, восемь», — отвечает Гейдж. Ведущий дискуссию профессор Рустум Рой обостряет ситуацию: «А сколько человек в настоящее время работает на „Сан-Системс“?» Следует молниеносный ответ: «Шестнадцать тысяч. Но все они, кроме небольшого меньшинства, являются резервом для рационализации»¹⁹.

В меняющемся контексте возникает принципиально иной уровень угроз. Это не только борьба интеллекта, финансов, организационных принципов, технических возможностей, технологических решений, но прежде всего борьба ценностей и мировоззрений: кодекса поведения прежней цивилизации и моральных начал новой культуры.

* * *

Представления общества о глобализме, между тем, до сих пор пребывают под гипнозом впечатанных в подсознание стереотипов. Однако вероятность реализации проекта в образах и формах, предуказанных в популярных текстах, особенно интенсивно плодившихся на рубеже столетий, вызывает серьезные сомнения.

Неопределенный статус мира, возрастание уровня рисков — все это вынуждает систему переходить на иной, обширный режим контроля, отводящий собственно техническим средствам подчиненную роль.

---

¹⁹ Цит. по: Мартин Г.-П., Шуман Г. Западная глобализация. Атака на демократию и на процветание. — М., 1999. С. 7.

Но и актуальный, и потенциальный реестр подобных мер производят сильное впечатление: введение глобально ориентированных методов контроля и безопасности, с технической стороны контролируемых сообществом компьютерных программ, осуществление перманентного, мобильного надзора над личностью и организациями в режиме *on line*, выстраивание универсального каталога коммуникаций, ресурсов, организаций, людей, их прошлых и нынешних состояний, апробация и применение технологий превентивного контроля...

Складывающееся положение чревато, кроме прочего, управленческой фрустрацией, ведущей, как правило, к экспоненциальному умножению функций, агентств, служб. И как результат — к нарастающей хаотизации административного управления.

Слишком часто приходится сталкиваться с гипертрофией прежней логики обеспечения безопасности, когда основные надежды возлагаются на экстенсивное увеличение расходов, на совершенствование и существующих подходов и интенсификацию и экспансию техник. То есть на их фактическую консервацию, хотя и на новом уровне.

Между тем сама природа изменчивой, подвижной жизни требует обновления взглядов, причем не только на технологии безопасности. Возрастание роли антропологического, личностного фактора в новой социальной оболочке планеты, нарастающая суверенизация индивида, формирование множества разноформанных и гибких сетевых сообществ, порою объединенных лишь невидимым аттрактором, в значительной мере обесмысливает прежние подходы, а главное их логику, оперирующую системным анализом и основывающуюся на учете влияния преимущественно институциональных факторов глобальной игры.

Возникает порочный круг. Декларируемые сценарии действий шаг за шагом ведут цивилизацию в тупик. Это ответ ржавеющего охранительного механизма на растущий организм, стремление переломить, а не оздоровить логику развития.

Матрица тотального контроля постепенно вводя цивилизацию в мобилизационный режим в качестве новой нормы повседневности, приводит к определенным результатам, но подобная стратегия таит в себе другую серьезную угрозу для общества. В конечном счете выходит, что главный источник опасности — это сама свобода.

В рамках культурной и социальной конструкции Модернити реализация подобной идеологии действий, подобная их композиция вряд ли были осуществимы — ни характер политических институтов, ни мировоззренческая позиция и мотивация социального строительства не позволяли ставить в практической плоскости вопрос о тотальном управлении подвижной реальностью и людьми.

Предчувствие подобных перемен инициировало появление жанра антиутопии. Но ее привычная в прежней системе координат типология предполагала моральный в своей основе конфликт организованного тоталитарного зла и жертвенного, гуманистически ориентированного протеста индивида. Гораздо менее познанной и не до конца расшифрованной оказалась ситуация прямой и косвенной, но жесткой конкуренции различных способов управления и организационных начал: к примеру, противостояние институтов «гуманитарного тоталитаризма», действующих с позиции «меньшего зла», и «террористического индивидуализма», отвергающего любую форму подавления любым доступным на данный момент способом.

Свобода все чаще оказывается обоюдоострым мечом, который примеривается под ту или иную формулу перековки.

* * *

Деграция среды наводит на аналогии с ситуацией поздней Античности — с мировоззренческим синкретизмом эпохи и размыванием культурных горизонтов, с падением морали и распространением идеологии общества потребления.

Однако исторический итог потрясений складывается заметно иной. Вместо былого сообщества катакомб на планете выстраивается своего рода глобальный *Undernet*, эксплуатирующий открывающиеся возможности для иллегальных проектов и организаций, не скованных моральными ограничениями, где всеядность, неформальность и гибкость оказываются существенным преимуществом.

На сегодняшний день просматриваются, пожалуй, два рациональных сценария развития событий на планете.

Одна логическая траектория, чей дизайн достаточно внятен: завершение строительства геэкономического каркаса Нового мира, или, проще говоря, создание глобальной и тотальной налоговой системы.

Но если наметившаяся каталогизация мира, трансформирующая социальный организм в механизм, все же споткнется о ряд возникающих препон и противоречий, то произойдет иное: смена статичной схемы мировых связей динамичной системой управления сочетающей применение силовых акций с методологией саморганизуемой критичности.

Результатом оказывается утверждение специфического силового контроля, новых форм конфликтов и путей их урегулирования, разведение прав владения ит режима их реализации, масштабное перераспределение объектов собственности, ресурсов и энергии — и, пожалуй, радикальное изменение структуры цен, в том числе за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов...

* * *

Но все же то, что мы наблюдаем сегодня, — лишь исторический пересменок, предместье призрачной цивилизации — полярного града освобожденного Франкенштейна.

Это все еще симбиоз разнородных, плохо сшитых систем, и как всякая химера весьма причудливого, порой завораживающего свойства.

Однако даже первые картинки волшебного гиньоля заметно изменили представления о мире, обществе, человеке.

История, нанося ощутимые удары и раны, творя прорывы и зигзаги, ускорения и перестройки, расплачивается по счетам особой полновесной валютой — опытом.

Исследователь же открывающихся горизонтов, вычерчивая картографию постсовременного глобуса, рано или поздно задумывается над ключевым, в сущности, вопросом: что принесет человечеству утверждение новых ценностей и каковы окажутся обновленные на их основе правила игры на планете?

Завершая этот экскурс, посвященный поиску корней Нового мира, смутных начал его аксиологии, но также туманных горизонтов и дальней границы, экскурс, нитью которого являлось, в сущности, искусство землемера (скорее, стремление очертить проблемные поля, нежели попытка дать уверенные ответы), заметим, отталкиваясь от формулы Чеслава Милоша о причинах и свершениях, — временами слишком пристальный взгляд, ненароком брошенный в прошлое, позволяет нам узреть фрагменты, казалось бы, невероятного будущего.